

УДК 327

DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-1-29-38

ОДИНОКОВ Андрей Станиславович
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
GERQO@yandex.ru

Andrey S. ODINOKOV
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
GERQO@yandex.ru

КУРДСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

KURDISH ISSUE IN RUSSIAN-TURKISH RELATIONS

В статье обобщены и систематизированы аспекты, характеризующие курдский вопрос в российско-турецких отношениях в контексте значимой исторической, культурологической и политической динамики. Рассмотрены три относительно обособленных исторических периода: XIX - начало XXI в.; период советско-турецких отношений, закончившийся в начале 1990-х годов с распадом СССР; современная повестка дня российско-турецких отношений. В работе использованы статистический, факторный и структурный методы исследования. На сегодняшний день Курдистан представляет собой точку соприкосновения геополитических центров мировых держав (в далеком прошлом - Римской, Персидской империй, Османской империи, Арабского халифата). Внешнеполитический курс современной России в странах Ближнего Востока в большей мере предопределяется желанием перевести решение военно-политических конфликтов на конструктивные рельсы. Базисный принцип, положенный в основу внешней политики России в Ближневосточном регионе, заключается в стремлении к компромиссу на основе диалога для разрешения возникающих в мире противоречий. Действия России направлены на оказание содействия и помощи легитимной власти Сирийской Арабской Республики. Обоснован тезис о том, что российская сторона, реализуя собственные геополитические интересы в ближневосточном регионе, рассматривает курдское население и курдский вопрос не как фактор утраты, но как фактор баланса, паритета интересов всех заинтересованных сторон.

The article summarizes and systematizes the aspects characterizing the Kurdish issue in Russian-Turkish relations in the context of significant historical, cultural, and political dynamics. Three relatively isolated historical intervals are considered: 19th - early 20th centuries; the period of Soviet-Turkish relations, which ended in the early 1990s with the collapse of the USSR; modern agenda of Russian-Turkish relations. The study used statistical, factorial and structural method of research. Today, Kurdistan is a point of contact between the geopolitical centers of world powers (in the distant past - the Roman, Persian empires, the Ottoman Empire, the Arab caliphate). The foreign policy of modern Russia in the countries of the Middle East is largely determined by the desire to translate the solution of military-political conflicts on a constructive basis. The basic principle underlying the foreign policy of Russia in the Middle East region is to seek a compromise based on dialogue to resolve the contradictions arising in the world. Russia's actions are aimed at assisting and helping the legitimate authorities of the Syrian Arab Republic. The thesis was justified that the Russian side, realizing its own geopolitical interests in the Middle East region, considered and considers the Kurdish population and the Kurdish issue not as a deterrent factor, but as a factor of balance, parity of interests of all stakeholders.

Ключевые слова: Россия, Турция, курды, политика, история, культура, исторические связи, динамика

Key words: Russia, Turkey, Kurds, politics, history, culture, historical ties, dynamics

Для цитирования: Одинокоев А.С. Курдский вопрос В Российско-Турецких отношениях. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2019. Том. 11. № 1. с. 29-38.
doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-1-29-38

For citation: Odinokov A.S. Kurdish issue in Russian-Turkish relations. *Historical and Social-Educational Idea*. 2019. Vol. 11. No.1. PP. 29-38
doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-1-29-38 (in Russ)

Обосновывая актуальность очерченного исследовательского поля, заметим: отношения в системе «российская сторона - курды - турецкая сторона» обнаруживают колоссальный исторический, социально-политический, экономический, культурологический, военный контекст. Отметим факт, не известный в достаточной мере широкой общественности: местами (исторически сложившимися) проживания курдов являлись не только территории Османской и Персидской империй, но и территория Российской империи. Можно с уверенностью оперировать данными, полученными в результате Первой

всеобщей переписи населения России, которая проводилась в 1897 г. Согласно статистике, на рубеже XIX-XX столетий на территории Российской империи проживало чуть менее 100 тыс. курдов (речь идет о курдах-езидах и курдах-мусульманах).

Таким образом, объективным представляется тот факт, что представители курдов на протяжении более столетия рассматривали Российскую империю в качестве территории, где отношение к ним было положительным, дружественным, взаимовыгодным. В настоящее время позиция официальной Москвы в отношении Рабочей партии Курдистана (далее РПК) является конструктивной, что в значительной степени осложняет и без того непростые коммуникации с турецкими партнерами.

Причины здесь носят комплексный характер:

- во-первых, имеет место колоссальный исторический контекст в отношениях России и курдского населения;
- во-вторых, собственно практика стимулирования, развития национального самосознания курдского населения со стороны СССР имела место в весьма эффективных формах;
- в-третьих, существенное значение имеет актуальный баланс сил на мировой политической (и военно-политической) арене, где курдский вопрос во всем множестве его сторон и проявлений обнаруживается как значимый камень преткновения.

Именно множественность выше названных факторов инспирирует значимые проблемы, трудности при определении - выработке и реализации - практически реализуемого процесса развития системы российско-турецких отношений, в которых позиции по курдскому вопросу нашли бы должный паритет и относительно устойчивый компромисс.

Новизна предложенного исследования состоит в методологической целостности материала: курдский вопрос, во-первых, рассматривается как дефиниция, имеющая значимый историко-культурологический и социально-политический контекст; во-вторых, названный аспект анализируется в разрезе не только историческом (события XIX-XX вв.) ключе, но и в разрезе актуальной динамики (анализу подвергнуты аспекты - факты, события, тренды, имевшие место в начале XXI столетия).

Имеет место существенный комплекс научных работ в контексте рассматриваемой темы.

Весьма значимыми являются исследования и разработки таких ученых, как В.П. Никитин, В.Ф. Минорский, В. Байбуртян, Ю.Ю. Авалиани, И.И. Цукерман и пр.

Нельзя не отметить существенный вклад таких ученых-исследователей, как М.С. Лазарев и М.А. Гасратян, которые своими многочисленными системными исследованиями де-факто заложили принципиальный базис того, что можно аттестовать как отечественная научная школа курдоведения.

Осуществляя обзор позиций авторов, характеризуя особенности их исследований, отметим фактически доминантный тренд, состоящий в том, что развитие отношений в системе «Россия - Турция - курдское население» на протяжении многих десятилетий было фактором баланса сил и интересов на Ближнем и Среднем Востоке. Подчеркнем также, что распад СССР и ослабление роли и влияния России на мирополитической арене, отмечавшееся на рубеже столетий, привели к тому, что некоторые заинтересованные государства Запада активизировали свои попытки ослабить позиции нашей страны, в том числе и посредством актуализации и обострения курдского вопроса.

При этом собственно единообразной, не допускающей инвариантности трактовок, научно обоснованной концепции развития системы рассматриваемых международно-политических отношений в полной мере не выработано.

Цель исследования комплексна: проанализировать категорию «курдский вопрос в российско-турецких отношениях» с позиций исторической науки и актуальной социально-политической и историко-культурологической динамики.

Задачи: во-первых, рассмотреть принципиальные базисы российско-курдских отношений, которые были заложены в XIX - начале XX в.; во-вторых, охарактеризовать динамику, имевшую место в рамках очерченной исследовательской области на протяжении XX столетия, когда СССР трактовал курдский аспект как значимый в рамках своих геополитических интересов.

литических интересов; в-третьих, дать определенную оценку актуальной динамике, определить потенциально эффективные факторы, способные стать определяющими в оптимизации курдского вопроса в российско-турецких отношениях в перспективе.

Рассматривая принципиальные базисы, то есть исторический контекст (XIX - начало XX столетия), курдского вопроса в российско-турецких отношениях, приведем следующий значимый тезис.

Собственно, сам курдский вопрос является некоторым элементом «большого восточного вопроса»: национально-освободительные движения подвластных в прошлом Османской империи территорий стали фактором постоянного напряжения.

Вместе с тем особенностью геополитического положения Курдистана в названный выше временной период заключалась в том, что данные территории имели статус и значимость приграничных: фактически Курдистан - «стык» геополитических центров, мощных мировых держав (в далеком прошлом - Римской, Персидской империй, Османской империи, Арабского халифата).

Эта объективная динамика стала причиной, во-первых, политической разделенности курдского этноса посредством государственных национальных границ, во-вторых, этнической дифференцированности (неоднородности) курдов, их языка, религиозных верований.

В первой половине XIX столетия в результате присоединения территории Закавказья к Российской империи произошло значимое приближение границ проживания курдов к ее границам, определенный процент курдов стал проживать уже непосредственно на территории России.

Отметим, что в течение XIX столетия курдский этнос - та его часть, которая проживала на территории России или на территориях, максимально к ней приближенных, - был в известной степени инкорпорирован в российское общество, при этом официальная позиция властей заключалась в создании для курдов максимально возможных условий для сохранения собственной культурной, этнической идентичности.

Ситуация значимым образом обострилась по итогам русско-турецкой войны, а также по итогам Берлинского конгресса (1878 г.). Вмешательство западных держав в судьбу Османской империи привело к тому, что «курдский вопрос» стал - вероятно, вые - центральным, «ядерным» компонентом «большого восточного вопроса».

Динамика в данном ключе была совершенно логична: курды, стремясь к некоей территориальной определенности и обособленности, рассматривали Россию в качестве эффективного и выгодного партнера, гаранта безопасности.

В данном ключе можно процитировать слова В.А. Гордлевского, писавшего, в частности, следующее: «Курды как будто чувствовали, что решение их судьбы лежит на севере, и охотно шли на сближение с Россией. Враг Турции был для них другом» [4].

Вместе с тем существенную значимость имела уже упоминавшаяся выше разобщенность курдского населения.

В отношении курдского вопроса Россию тревожили два аспекта: во-первых, значительно ухудшившиеся взаимоотношения курдов с армянами; во-вторых, хамийдские полки, которые были учреждены непосредственно для того, чтобы противостоять русским войскам в качестве нерегулярных вооруженных сил.

Таким образом, можно заключить: в рассматриваемый период были заложены принципиальные основания в отношениях между Россией и курдским населением; при этом, что исключительно важно, представители последнего весьма охотно инкорпорировались в новые для них социально-политические, экономические реалии.

Нельзя не отметить исключительно конструктивную и дальновидную позицию России: фактически были созданы эффективные условия для сохранения национальной идентичности курдов, для сохранения и развития их культуры.

Говоря о периоде с 1923 по 1945 г., отметим: советское правительство стремилось реализовывать весьма специфический вектор.

С одной стороны, СССР был более чем заинтересован в поддержании эффективных конструктивных коммуникаций с Турцией, которую возглавлял пользовавшийся значи-

мым авторитетом М.К. Ататюрк. В известной степени эти отношения рассматривались как отношения стратегической важности.

Второй компонент рассматриваемого вектора может быть определен как противоположный первому: просоветским образом настроенные курды, которые имели исторически сложившиеся связи с Россией, также представляли для СССР значимый интерес.

Советская власть даже способствовала созданию и существованию относительно обособленной территории, которая была местом локализации курдского населения. Речь идет о так называемом Красном Курдистане - территории современного Азербайджана, которая была организована для курдского этноса изначально в рамках уезда, нее - как округ.

В целом в рассматриваемый период позиция СССР в контексте курдского вопроса, как следует из опубликованного решения наркомата иностранных дел [1], была детерминирована неким «балансом», в рамках которого четко прослеживаются три взаимосвязанных линии:

- не декларировать и фактически не осуществлять мероприятий, которые могут быть расценены как поддержка СССР «курдских сепаратистов» в их борьбе против Турции;
- не декларировать и фактически не осуществлять мероприятий, которые могут быть расценены как политика «турецкого империализма» по отношению к курдам;
- позитивно относиться и в известной степени приветствовать борьбу представителей курдского населения против Англии.

После окончания Второй мировой войны ситуация существенным образом изменилась: курды осуществили относительно эффективную попытку основания собственного независимого государства, расположенного между Ираком, Ираном и, естественно, Турцией.

На протяжении второй половины XX века политика СССР в разрезе курдского вопроса была главным образом ориентирована на поддержание относительного баланса интересов всех заинтересованных сторон и сохранения паритета в отношениях с Турцией.

Принципиально новый этап взаимодействия России и Турции в контексте курдского вопроса наступил начиная с 1990-х годов.

В июне 1989 г. инициативная группа представителей курдского населения (А.А. Мамедов, М.С. Бабаев, З.А. Садыхов и пр.) направила заявление на имя председателя Совета национальностей Верховного Совета (ВС) СССР, в рамках которого были описаны и структурированы факты угнетения и притеснения курдов в отдельных регионах Советского Союза (Армения, Краснодарский край, Узбекистан и пр.) [6].

Кроме того, данный аспект определим как имевший принципиальную важность: в рамках своей инициативы курды обосновывали необходимость создания на территории СССР (воссоздание на территории Азербайджанской ССР) собственной автономии. В дополнение к этому в зону своих интересов курды включили и безлюдные территории побережья Каспийского моря.

Распад СССР стал поворотным моментом: внутренний кризис избавил руководство страны от необходимости принятия весьма непростого решения относительно возможности создания фактической «области локализации курдского населения» и, следовательно, не привел к потенциальной необходимости вступления в весьма непростой диалог с турецкой стороной.

Россия, как правопреемница СССР, в силу внутривнутриполитических процессов на определенный период утратила свои позиции: страна объективно не могла более выступать для курдов некоторым гарантом безопасности, механизмом защиты

Фактически на протяжении 1990 - середины 2000-х годов Россия минимизировала проявление своих позиций относительно «курдского вопроса».

Вместе с тем собственно сами конструктивные позиции, поддержка курдского населения - все это оставалось неизменным. Доказательством тому может служить деятельность РФ в контексте армяно-азербайджанского конфликта: из данной территории

на территорию РФ были переселены курды, изъявившие такую инициативу. Этот аспект - один из множества подтверждений того, что позиция России не менялась.

Говоря о современной повестке дня, отметим: курдский вопрос в контексте российско-турецких отношений не просто актуализировался существенным образом, но обрел дипломатическую, внешнеполитическую, военную остроту в контексте практики урегулирования сирийского кризиса.

Современный внешнеполитический курс Российской Федерации в странах Ближнего Востока детерминирован, кроме прочего, стремлением перевести решение военно-политических конфликтов в некоторое конструктивное русло: Сирия в этом контексте - один из целевых векторов.

Россия исходит из некоторого базисного принципа: уважение и стремление к отысканию компромисса путем диалога - основа разрешения противоречий современного мира.

Сегодня этого, объективно говоря, не происходит. Именно этот факт является доминантной причиной участия РФ в операции (к слову, можно говорить о том, что данная операция - первая масштабная военная, осуществляемая постсоветской РФ за пределами территории бывшего СССР) на территории Сирии.

Россия ставит своей важнейшей задачей (именно она диктует всю логику участия нашей страны в данной ситуации) оказание содействия и помощи легитимной власти Сирийской Арабской Республики.

Отметим, что военное участие РФ было начато после непосредственного обращения со стороны правящих, законно избранных органов власти этой ближневосточной страны [5].

Уничтожение террористических организаций ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусра» и их - этот аспект министр иностранных дел нашей страны выделил в качестве приоритетной задачи военной части операции РФ.

В конце 2017 - начале текущего, 2018 года Россия и Турция вновь столкнулись с вопросом концептуального порядка: какие именно организации - курдские военные формирования, политические движения - относить к категории «террористических». Если Турция, что отражено в заявлении Р.Т. Эрдогана [3], относит к таковым ИГИЛ, ан-Нусра и Отряды народной самообороны, то позиция РФ является неизменной: Рабочая партия Курдистана (РПК) не является террористической организацией (как это имеет место в Турции).

Турция весьма жестко высказывалась относительно поставок оружия РФ и США структурам, которые, как считает официальная Анкара, связаны с РПК.

При этом позиция РФ следующая: наша страна считает себя вправе и обязанной осуществлять военно-техническую помощь Ираку, Сирии и, кроме прочего, сирийским курдам. При этом данное взаимодействие с правящими кругами Иракского Курдистана согласовано с центральным правительством.

В начале 2018 г., 21 января, Турция начала вооруженную операцию «Оливковая ветвь»: позиции курдов на территории Сирии подверглись массовой атаке, 108 из 113 целей, в том числе и аэропорт Минниг, были поражены.

Курдская сторона [2] утверждает, что данная акция не могла состояться без молчаливого согласия Москвы. Официальная позиция МИД РФ состоит в том, что подобные утверждения необоснованны.

В завершение данного исследования отметим актуальные тренды, составляющие в совокупности определенную современную повестку дня в отношении курдского вопроса и позиций в нем со стороны РФ и Турции.

Во-первых, объективным является тот факт, что курды, проживающие на территории Турции и Ирана, находятся в положении меньшинств, подвергаемых непосредственной и опосредованной дискриминации со стороны официальных властей.

РФ в своей политике придерживается общего концепта невмешательства во внутренние дела прочих стран мира; при этом, будучи значимым геополитическим центром,

постоянным членом СБ ООН, наша страна не может не выступать за соблюдение прав и свобод каждого из народов.

Кроме того, нельзя не отметить: позиция России является открытой, честной и прозрачной. Еще в 2013 г. лидер курдов М. Барзани приезжал в Москву, встречался с президентом В.В. Путиным.

При этом в ООН, на прочих международных площадках, где обсуждается «курдская проблематика», линия РФ заключается в признании законных интересов курдов [7].

Во-вторых, РФ осуществляет контакты, главным образом гуманитарные, культурные, социально-экономические, с представителями общественных организаций курдов. Эффективны многие площадки: имеют место коммуникации с представительством Иракского Курдистана, ведется диалог с Партией мира и демократии (турецкая партия, занимающая конструктивную прокурдскую позицию).

Кроме прочего, Москва не признает РПК террористической организацией: с предложением об этом неоднократно выступали турецкие партнеры, однако, согласно действующему национальному законодательству РФ, подобное решение априори невозможно, поскольку названная партия не осуществляет деятельность экстремистского или террористического характера на нашей территории.

Таким образом, отношения в системе «Россия - курды - Турция» - это отношения, имеющие многовековой исторический контекст, отношения многогранные, носящие системный, однако не всегда конструктивный характер.

Полагаем, что разрешение очерченного проблемного поля требует консолидации сил всего мирового сообщества, стремления к диалогу, отысканию баланса и паритета интересов всех заинтересованных сторон.

В этом ключе позиций РФ однозначно конструктивна и продуктивна.

Полагаем, что актуальная повестка дня и перспективы российско-турецких отношений в контексте «курдского вопроса» будут оптимизированы посредством конструктивного сотрудничества дипломатов, политиков, военных. Однако сегодня «курдский вопрос» обретает принципиально новый контекст - противодействие терроризму.

Турция и Россия в целом схожи во мнениях относительно избранных методов и механизмов, однако отсутствие общего понимания «курдской линии» в этом вопросе не всегда позволяет действовать данным странам консолидированным образом [8].

В связи с этим в добавление к вышесказанным причинам возможного кризиса в турецко-российских отношениях в предстоящий период можно выделить следующее: 1) утверждение зон влияния в процессе формирования «новой Сирии»; 2) поиски Россией возможностей влияния на региональную курдскость прежде всего по оси Сирии и вероятные некоторые «нежелательные» последствия этого, которые могут угрожать безопасности, интересам Турции через северную Сирию; 3) сохранение позиции России на стороне Асад - Иран в Сирии; 4) кризис вокруг Ирана и политика, которой Турция будет следовать в этом вопросе.

Основной момент, лежащий в основе того факта, что Москва в последнее время стала подавать сигналы, связанные с тем, что она может пойти на изменение политики в отношении Анкары, заключается в «неразберихе», царящей в турецко-американских отношениях, о которой коротко было сказано выше, и как результат - давшей знать о себе «проблеме доверия».

Конкретизировать этот вопрос можно в следующих тезисах: 1) у России сохраняются подозрения в отношении Турции; 2) несмотря ни на что, в турецко-американских отношениях не происходит раскол; 3) разрыв не наступает ни в отношениях Турции с США (особенно с военным крылом), ни в ее отношениях с НАТО; 4) наоборот, Турция и США - в поисках новых возможностей сотрудничества посредством Манбиджа; 5) в этой ситуации Анкаре хотят напомнить о значении двустороннего турецко-российского сотрудничества.

Эти факторы выходят на передний план больше с точки зрения Турции. Иными словами, Россия прячется за этими предлогами. Тем не менее происходящие события указывают на совершенно другие вещи. Их можно обобщить следующим образом: 1) пе-

редел, к которому пришли Россия и США в регионе Ближнего Востока, прежде всего в Сирии; 2) желание России успокоить Иран в Сирии; 3) беспокойство России по поводу многомерной, основанной на балансе политики, проводимой Турцией в последнее время, и расширения ее зоны влияния.

Как мы неоднократно отмечали, главную опору астанинского процесса образует дуэт Турция - Россия. Если условия в Сирии изменились, а США и Израиль оказались в затруднительной ситуации, то в основе этого лежит политика, которую Турция и Россия выработали и стали проводить после 27 июня 2016 г. (Реджеп Эрдоган отправил Владимиру Путину послание с извинениями за сбитый Су-24. - *Прим. авт.*).

Следовательно, при ошибочном шаге со стороны Москвы прежде всего придет конец астанинскому процессу. А прекращение этого процесса ослабит позиции России не меньше, чем позиции Турции, прежде всего перед США. И начиная с этого момента в российском ближнем зарубежье будет уже не так безопасно, как раньше, поскольку Россия, потерявшая Турцию, начнет терять Иран и другие регионы.

К началу XXI века система международных связей изменилась, сложились единые экономические пространства, включающие десятки государств. Сотрудничество в области международной стабильности и безопасности, решение проблем экологии и многих других стали условием дальнейшего существования человечества. Развитие системы радио- и телекоммуникаций, Интернета привело к возникновению единого, глобального информационного пространства. Пространством международных отношений в наши дни становится практически весь мир.

С середины 2000-х годов постепенно начала складываться многополярная система, в которой новые игроки заявляют о своих амбициях и интересах, прежде всего это Россия, Индия, Китай, Бразилия, Иран.

Для формирующейся системы международных отношений характерны следующие глобальные политические тенденции: проницаемость границ между внутренней и внешней политикой; демократизация как внутривнутриполитических отношений, так и международной жизни; расширение состава и увеличивающееся многообразие политических факторов; размывание государственного суверенитета; формирующаяся многополярность; влияние на мировое развитие, включая и международные отношения, комплекса глобальных проблем.

Таким образом, происходит продвижение к многополярности, что означает снижение удельного веса США в мировой экономике и мировой политике, постепенное растворение однополюсного мира в иной структуре международных отношений. Зависимость мира от США уходит на задний план. Можно сделать вывод, что на протяжении столетия трансформация глобальной структуры международных отношений совершила полный цикл.

В течение последних нескольких лет «курдский вопрос» стал актуальным для всего мирового сообщества. Длительное время он был проблемой лишь для стран региона, что усугубляло внутренние противоречия и стало причиной социально-экономического кризиса. Курды - группа народов с разными языками и разной религией, живущая на территории, относящейся к четырем современным государствам: Турции, Сирии, Ирану, Ираку. Религиозные верования курдов представлены тремя основными ветвями: сунниты, шииты и езиды. Последние не мусульмане. Курды - шииты в основном живут в Иране. Самые массовые из верующих курдов - сунниты.

Проблема сохранения курдской культуры, находящейся на грани исчезновения, игнорируется. Во многих странах имеются законодательные акты, направленные на национально-культурное и социально-экономическое развитие национальных меньшинств. В настоящее время нормы, закрепляющие их права, содержатся в различных международно-правовых документах, таких как «Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств» (1995), «Декларация о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (1992), «Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» (1994).

На основе анализа ряда международно-правовых актов и российского законодательства можно выделить следующие основные права национальных меньшинств: право свободно и беспрепятственно пользоваться языком своего меньшинства устно и письменно в частной жизни и публично, использовать родной язык в социальной сфере, сохранять и развивать свою культурную самобытность, поддерживать и развивать свою культуру, право на участие в управлении делами государства, принятие государственных решений, включая вопросы, касающиеся защиты прав национальных меньшинств.

В настоящее время продолжается национально-освободительная борьба курдов. Курдский вопрос до сих пор остается неурегулированным. Безусловно, курдские общины данных стран не изолированы друг от друга, они взаимодействуют и обеспечивают взаимную поддержку друг другу, однако важно заметить, что в каждой из этих стран курдское население находится в разном положении, так как курдский фактор имеет свои особенности в каждой стране.

Для Турции «курдский вопрос» является болезненным как для ее внутренней, так и внешней политики. На протяжении многих веков Турецкий Курдистан являлся главным очагом напряженности и нестабильности во внутренней политике Турции. Курдско-турецкий конфликт еще более обострился с приходом к власти в Турции М.К. Ататюрка, так как турецкие курды стали подвергаться массовым гонениям со стороны центральных властей. Проводилась политика грубой ассимиляции курдского населения.

Курды в Сирии составляют около 10% населения страны, что является довольно высоким показателем. Положение курдов изменилось в ходе гражданской войны в Сирии, начавшейся в 2011 г. В 2012 г. лидеры курдского национально-освободительного движения заявили о желании самостоятельного функционирования Сирийского Курдистана. В настоящее время гражданская война в Сирии продолжается и ситуация становится трудноуправляемой в силу участия в конфликте внешних сил.

Иранские курды имеют наименьшие права, нежели курды Турции, Ирака и Сирии, что во многом определяется религиозным фактором в конфронтации суннито-шиитского ислама и вмешательством внешних сил в курдско-иранские отношения.

В настоящее время Иракский Курдистан является самым успешным примером курдской национально-освободительной борьбы за самоопределение и предоставление прав курдскому населению. Иракский Курдистан является автономным образованием в составе Ирака. Так, по Конституции Ирака 2005 г. за курдской автономией закрепляется осуществление широких полномочий. Новая Конституция Ирака утверждает федеративный принцип построения иракского государства, в котором курдский район становится субъектом федерации.

Если говорить о взаимоотношениях США, то они используют курдов для продвижения своих интересов в Ираке и регионе. Конечно, отношения эти не вполне равноправны: курды нуждаются в американцах куда больше, чем американцы в курдах, американская поддержка для курдов вопрос ключевой, чтобы не сказать - вопрос жизни и смерти. Как это ни парадоксально, но с уходом американцев их место покровителя Иракского Курдистана начинает занимать Турция, действующая «по доверенности» всего Запада против роста иранского влияния.

В свою очередь курдам после выхода американских войск необходимы международные гарантии и международная поддержка в сложном и щекотливом положении, в котором они оказались в регионе.

Европейский союз активно использует курдскую проблему в своих отношениях с Турцией. Курдская проблема играет для ЕС сугубо функциональную роль. Несмотря на попытку Брюсселя представить свой интерес к положению курдов как желание улучшить ситуацию с правами человека, для Евросоюза, как и его отдельных членов, права курдов не представляют никакой ценности.

Одним из немногих государств, традиционно поддерживающих курдов, была и остается Россия. Эта поддержка, как и все в политике, не является исключительно бескорыстной. Россия всегда использовала курдов как своих союзников, географически располагающихся в тылу наших стратегических конкурентов в регионе - Турции и Ирана.

Особые отношения у России складываются с Иракским Курдистаном, поскольку этот регион добился статуса субъекта федерации в Ираке с самыми широкими международными правами и полномочиями. Россия одной из первых стран в декабре 2007 г. открыла свое Генеральное консульство в Эрбиле. Начало развитию торгово-экономических отношений России и Иракского Курдистана было положено уже в мае 2008 г. За прошедшие годы наибольшую активность из российских компаний в Курдистане проявила «Газпром нефть», которая успешно работает в области геологоразведки, разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений и осваивает все новые объекты. Эта же компания спонсирует обучение курдских студентов в России, участвует в экологических, культурно-образовательных, научных и других проектах.

Курдская проблема на Большом Ближнем Востоке представляет собой совокупность территориальных, религиозных, этнических, политических, экономических противоречий, затрагивающих как интересы стран региона, так и интересы других государств. Таким образом, в настоящее время курдский вопрос является сложной, многоаспектной проблемой международного значения.

На основе изученного материала было выявлено три возможных сценария развития «курдского вопроса» в течение 10 лет: 1) ухудшение положения курдов; 2) сохранение современного состояния; 3) образование единого государства. Более вероятно, что ситуация положения курдов будет ухудшаться. Причины этому следующие: 1) затяжная борьба с ИГИЛ; 2) религиозные конфликты между суннитами и шиитами; 3) для США выгодна сегодняшняя нестабильная обстановка на данной территории.

В процессе исследования поставленные задачи достигнуты. Был рассмотрен и проанализирован «курдский вопрос» в современной системе международных отношений, вследствие чего сделаны определенные выводы и прогнозы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Как курды дружили с Советским союзом // Деловой Петербург. 18.03.2016 [Электронный ресурс] / URL: https://www.dp.ru/a/2016/03/18/Kak_kurdi_druzili_s_Sovet (дата обращения: 26.03.2018).
2. Курды просят защиты Москвы от «фашистского турецкого режима» // Взгляд. 21.01.2018 [Электронный ресурс] / URL: <https://vz.ru/world/2018/1/21/904480.html> (дата обращения: 07.03.2018).
3. Россия и Турция: курдский вопрос // Euronews.com 10.03.2017 [Электронный ресурс] / URL: <http://ru.euronews.com/2017/03/10/russia-and-turkey-hail-syria-cooperation-and-strengthen-ties> (дата обращения: 06.03.2018).
4. Тибет Абак. Курдский вопрос в российско-турецких отношениях 1908-1914 гг. // Вестник Брянского государственного университета. - 2016. - № 3. - С. 76-81. http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2016_3.pdf
5. Al, Serhun. 2018. Human Security Versus National Security: Kurds, Turkey and Syrian Rojava // Comparative Kurdish Politics in the Middle East: Actors, Ideas, and Interests, eds. Emel Elif Tugdar and Serhun Al. - Cham: Springer International Publishing, 57-83 / URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-53715-3_3.
6. Al, Serhun, and Emel Elif Tugdar. 2018. Ethnic Capital Across Borders and Regional Development: A Comparative Analysis of Kurds in Iraq and Turkey // Comparative Kurdish Politics in the Middle East: Actors, Ideas, and Interests, eds. Emel Elif Tugdar and Serhun Al. - Cham: Springer International Publishing, 163-83 / URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-53715-3_7.
7. Mahmud, Jowan. 2016. "Am I a Real Kurd?": Deconstructing Kurdish Identity // Kurdish Diaspora Online: From Imagined Community to Managing Communities. - New York: Palgrave Macmillan US, 127-62 / URL: https://doi.org/10.1057/978-1-137-51347-2_6.
8. Michael Wuthrich, F. 2018. Kurdish Nationalist Organizations, Neighboring States, and "Ideological Distance" // Comparative Kurdish Politics in the Middle East: Actors, Ideas, and Interests, eds. Emel Elif Tugdar and Serhun Al. - Cham: Springer International Publishing, 85-112 / URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-53715-3_4.

REFERENCES

1. Kak kurdy druzhili s Sovetskim Soyuzom [How the Kurds were friends with the Soviet Union], De-
lovoj Peterburg. 18.03.2016. Available at:
https://www.dp.ru/a/2016/03/18/Kak_kurdi_druzhili_s_Sovet (Accessed 26 March 2018);
2. Kurdy prosyat zashhity Moskvoy ot «fashistskogo turetskogo rezhima» [Kurds ask for Moscow's
protection from the "fascist Turkish regime"]. Vzglyad. 21.01.2018. Available at:
<https://vz.ru/world/2018/1/21/904480.html> (Accessed 7 March 2018);
3. Rossiya i Turtsiya: kurdsij vopros [Russia and Turkey: Kurdish issue]. Euronews.com
10.03.2017. Available at: <http://ru.euronews.com/2017/03/10/russia-and-turkey-hail-syria-cooperation-and-strengthen-ties> (Accessed 6 March 2018);
4. Tibet Abak. Kurdsij vopros v rossijsko-turetskikh otnosheniyakh 1908-1914 gg. [Kurdish issue
in Russian-Turkish relations 1908-1914]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta
[Bulletin of Bryansk State University]. 2016. No. 3. Pp. 76-81. Available at: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2016_3.pdf
5. Al, Serhun. 2018. Human Security Versus National Security: Kurds, Turkey and Syrian Rojava. In
Comparative Kurdish Politics in the Middle East: Actors, Ideas, and Interests, eds. Emel Elif Tug-
dar and Serhun Al. Cham: Springer International Publishing, 57-83. https://doi.org/10.1007/978-3-319-53715-3_3.
6. Al, Serhun, and Emel Elif Tugdar. 2018. Ethnic Capital Across Borders and Regional Development:
A Comparative Analysis of Kurds in Iraq and Turkey. In Comparative Kurdish Politics in the Mid-
dle East: Actors, Ideas, and Interests, eds. Emel Elif Tugdar and Serhun Al. Cham: Springer Inter-
national Publishing, 163-83. https://doi.org/10.1007/978-3-319-53715-3_7.
7. Mahmod, Jowan. 2016. "Am I a Real Kurd?": Deconstructing Kurdish Identity. In Kurdish Diaspora
Online: From Imagined Community to Managing Communities, New York: Palgrave Macmillan US,
127-62. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51347-2_6.
8. Michael Wuthrich, F. 2018. Kurdish Nationalist Organizations, Neighboring States, and "Ideologi-
cal Distance". In Comparative Kurdish Politics in the Middle East: Actors, Ideas, and Interests, eds.
Emel Elif Tugdar and Serhun Al. Cham: Springer International Publishing, 85-112.
https://doi.org/10.1007/978-3-319-53715-3_4.

Информация об авторе:

Одинокоев Андрей Станиславович, аспирант,
кафедра истории России XX-XXI вв., историче-
ский факультет, Московский государствен-
ный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
GERQO@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 15.12.2018.
принята в печать 25.01.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи

Information about the author:

Andrey S. Odinokov, Postgraduate Student, De-
partment of Russian History of XX-XXI centuries,
Faculty of History, Lomonosov Moscow State Uni-
versity,
Moscow, Russia
GERQO@yandex.ru

Received 15.12.2018.
accepted for publication 25.01.2019.

The author have read and approved the final man-
uscript.